К.А. Алексеев, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: cheslav83@gmail.com

СПОРТИВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ПЕЧАТИ

В статье рассматриваются ключевые и переломные моменты российской истории — Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война — в контексте их влияния на спорт и спортивную журналистику. На основе изучения изданий о спорте, выходивших с 1917 до начала 1920-х гг., обосновывается тезис о том, что дореволюционная спортивная журналистика не закончилась после октябрьского переворота, она продолжала существовать и далее, оказывая определяющее влияние на формирование советской физкультурно-советской журналистики. Это влияние можно рассматривать как очевидный пример преемственности традиций, демонстрирующий не только неповторимое своеобразие спортивной печати XIX — начала XX столетия, но и ее генетическое родство со спортивной прессой советского периода, а через нее — с современной спортивной журналистикой.

Ключевые слова: *спорт, пролетаризация спорта, физическая культура, спортивная журналистика, физкультурно-спортивная печать, функции спортивной прессы, традиции спортивной журналистики.*

This article deals with crucial moments of Russian history — October revolution in 1917 and Civil War — in the context of the effect made on sport and sports journalism. The thesis that pre-revolutionary journalism wasn't over after October coup, but continued to exist and influence the Soviet sports journalism formation is proved on the basis of studying sports press published between 1917 and the beginning of 1920-s. This impact could be considered as obvious example of the traditions' continuance which shows not only uniqueness of sports press in XIX and the beginning of XX centuries, but also its affinity with Soviet sports press and through it with modern sports journalism.

Key words: *sport, sports proletarization, sports journalism, sports press, functions of sports press, traditions of sports journalism.*

Введение

Значимость исследования проблемы преобразования системы дореволюционной спортивной печати в кардинально отличавшуюся от нее по принципам работы, функциям и задачам систему советской физкультурно-спортивной периодики кроется в необходимости понимания генетического родства и преемственности спортивной журналистики на наиболее важных этапах ее развития. Временной отрезок в истории журналистики о спорте и физическом развитии, совпадающий с хронологическими рамками

Гражданской войны, до сих пор не подвергался тщательному и объективному рассмотрению. Между тем особенности указанного периода предопределили крайнее своеобразие целой группы периодических изданий, достойных быть изученными и введенными в научный оборот.

Вопрос прекращения дореволюционной спортивной прессы, а также зарождения и становления спортивной печати в СССР затрагивался в публикациях историков спорта: Г.С. Деметера [Деметер, 2005], Р. Эдельмана [Эдельман, 2008] и в особенности — А.Б. Суника [Суник, 2004], достаточно глубоко изучившего именно дореволюционный период и 1920–1930-е гг. Десятилетия кропотливого труда добросовестного и высококвалифицированного историка были посвящены разнообразным аспектам становления спорта и олимпийского движения в России и, в том числе, стержневой проблеме передачи и усвоения спортивных традиций.

Много ценных фактических данных и точных наблюдений содержит исследование профессора русской истории университета Калифорнии в Сан-Диего Р. Эдельмана. В его работе проведен анализ процесса становления зрелищных видов спорта в СССР и их места на общем идеологическом поле советского общества. Исследование Р. Эдельмана во многом построено на материале советской спортивной периодической печати, но сама проблематика возникновения этой печати не стала предметом рассмотрения американского ученого. А.Б. Суник, Р. Эдельман и другие историки спорта обращаются в своих исследованиях к спортивной печати как к источнику информации и мнений о развитии спорта в России. Поэтому разработка вопросов, связанных с изменениями в самой спортивной прессе, носит в их работах прикладной характер. Если же говорить об исследованиях, посвященных истории спортивной журналистики, в особенности — вышеназванного периода, тот тут мы сталкиваемся с фактором недостаточной изученности темы.

За весь советский период, помимо отдельных публикаций в спортивных изданиях, была предпринята лишь одна попытка комплексного исследования, посвященного истории спортивной журналистики первой четверти XX в., — ею стала кандидатская диссертация С.И. Орлова [Орлов, 1974]. При всей значимости работы, положившей начало изучению истории не только советской физкультурно-спортивной печати, но и спортивной журналистики дореволюционной эпохи, ее воплощение с позиций исключительно классового подхода, анализ форм и методов деятельности спортивных изданий на основе ленинского учения о двух культурах не могли не привести к односторонности, неполноте, искажению одних неудобных фактов и игнорированию других.

В 1990–2000-е гг. интерес к дореволюционному периоду в развитии спортивного движения и его печати в нашей стране значительно возрос. Тем не менее специальных работ, за исключением разрозненных журнальных и газетных публикаций, по истории возникновения, развития (и прекращения) спортивной дореволюционной печати не появилось. Одним из немногих исключений явилось диссертационное исследование Е.А. Слюсаренко [Слюсаренко, 2003], в котором присутствовал раздел, посвященный генезису отечественных спортивных журналов. Однако, исходя из направленности работы, этот раздел имеет краткий обзорный характер и не предлагает ответов на многие вопросы, в том числе связанные и с интересующим нас периодом.

Е.А. Слюсаренко начинает отсчет советского социально-исторического этапа в развитии спортивной печати непосредственно с октябрьской революции 1917 г. При этом, выделяя хронологически первое спортивное издание новой эпохи, петроградский журнал «Борец-атлет», и справедливо отмечая, что его содержательная модель продолжала дореволюционные традиции и не соответствовала новому физкультурно-спортивному подходу, исследователь проходит мимо этого очевидного несоответствия без всяческих оценок и выводов. В дальнейшем Е.А. Слюсаренко выпускает из внимания целый временной промежуток до 1923 г., когда было принято решение об организации издательства «Физкультура и спорт», и даже не упоминает (за исключением шахматной периодики) целый ряд изданий, возникших в это время и отразивших в своей судьбе те споры и метания, которые наполняли сферу физической культуры и спорта в данный переломный период.

В свете вышеуказанных обстоятельств основными источниками сведений о состоянии спортивной печати в данное время могут являться, прежде всего, сами органы прессы. На основании содержательного анализа данных изданий, сравнения их друг с другом, с их дореволюционными предшественниками и советскими последователями, при условии строгого соблюдения принципа историзма можно надеяться получить более-менее точную и объективную картину тех изменений, которые постигли отечественную спортивную журналистику в революционную эпоху.

Спортивная журналистика и 1917 год

К началу Первой мировой войны спортивная журналистика Российской империи функционировала как эффективная система, для которой были характерны внутренняя обусловленность существования, устойчивая структура отношений и единство при

большом типологическом разнообразии составлявших ее элементов. Мировая война крайне усложнила условия выхода всех спортивных изданий, для многих из них эти условия оказались критическими и привели к закрытию. Тем не менее ко времени февральской революции в России выходило около 20 спортивных изданий, выживших, невзирая на тяжелейшую экономическую ситуацию, порожденную военным временем, что свидетельствует о качестве, устойчивости и востребованности системы дореволюционной спортивной прессы. Издания лишились большей части прежних сотрудников, выходили в урезанном формате и объеме, печатались на бумаге низкого качества, терпели прочие трудности типографского кризиса, но продолжали содействовать развитию российского спорта.

В восприятии двух революций 1917 г. уцелевшие спортивные издания разделились. Большая часть их восторженно приняла февральский переворот. Безусловный лидер сегмента спортивной прессы журнал «Русский спорт» буквально ликовал в марте 1917 г.: «Приветствуя освобожденную Россию и новый уклад политической жизни, редакция журнала выражает полную уверенность, что <...> новым, созданным свободным народом правительством не будут забыты нужды физического развития и воспитания этого народа»[1].

Меньшая часть спортивной прессы, отражая иные настроения, имевшиеся в спортивном сообществе, встретила февральские события достаточно индифферентно. Так, редактор-издатель журнала «Коннозаводство и спорт» В.В. Генерозов считал: «“Коннозаводство и спорт” — издание специальное: содержание его определяется его названием, и потому оно всегда стояло в стороне от политических течений <...> Лошадь нужна всегда и везде, при всяком строе»[2]. В высшей степени проигнорировал все политические изменения редактор-издатель московского ежемесячника «Автомобилист» В.Г. Соколов. Титульные листы номеров журнала, вышедших не только в 1917 г., но и в январе и феврале 1918 г., были отпечатаны еще с клише 1915 г., и на них значилось: «Подписка принимается во всех почтовых отделениях Российской империи».

В работе Р. Эдельмана можно встретить объяснение того, почему идеи спорта и социал-демократические теории до 1917 г. практически не пересекались. Он отмечал: «Когда теории государственного социализма и практики современного зрелищного спорта возникли практически одновременно, в конце XIX в., тесной связи между ними не было. И то и другое было продуктом индустриали-

[1] 12 марта 1917 г. // Русский спорт. 1917. № 10. С. 3.

[2] *Генерозов В.* Да здравствует свободная Россия! // Коннозаводство и спорт. 1917. № 2265. С. 157.

зации и урбанизации, но они редко фигурировали в общем контексте. Даже если социалисты <...> и думали о подобных вещах, в их понимании спорт являлся фактором, ослаблявшим перспективы революции. В рядах большевистской партии <...> определенно было очень мало закоренелых болельщиков <...> Зрелищный спорт так же, как и джаз, кино, мюзик-холлы и парки развлечений, считался анестезирующим средством, создающим иррациональный мир, далекий от мира политики» [Эдельман, 2008, с. 23].

Однако осенью 1917 г. эти два мира неизбежно пришли в соприкосновение, и большевистский переворот с последовавшими вслед за ним шагами новой власти уже никого из деятелей спорта и спортивной печати не оставили равнодушным. Тот же В.В. Генерозов, весной считавший, что «лошадь нужна всегда и везде», на исходе года резюмировал: «В феврале 1917 года Россия получила все, чтобы стать великой страной, и скоро дошло до такого положения, когда все великое исчезло и на место великого встало ничтожное»[3]. Его издание подвергло резкой критике декрет о земле и другие распоряжения большевиков, затрагивавшие вопросы коннозаводства и конного спорта.

Журнал «Коннозаводство и спорт» в 1918 г. уже не вышел в свет. В конце 1917 г., когда бурные политические события поглотили прочие аспекты общественной жизни, история спортивной журналистики прервала свое поступательное развитие. Революция, гражданская война, террор, разрушение уклада прежней жизни — все эти пертурбации стерли с мировых карт Российскую империю и нарушили сложившуюся в ней систему общественных отношений, в том числе в области спорта и в сфере спортивной журналистики, сформировавшейся для удовлетворения потребностей общества, которого уже не было.

Но, как ни парадоксально звучит на первый взгляд, история дореволюционной спортивной журналистики на этом не закончилась. Остались в стране многие ее сотрудники, в 1918 г. продолжали выходить созданные ими журналы — и даже появлялись новые издания! Считать, что в октябре 1917 г. дореволюционная спортивная журналистика разом перестала существовать — это примерно то же, что, по словам А.Б. Суника, «вести отсчет истории советского спорта <...> со следующего после Октябрьского переворота дня — с 26-го октября 1917 года» [Суник, 2004, с. 182]. Исследователь предостерегал от такого чисто схематического и поверхностного подхода, обедняющего и искажающего историю: «В реальной действительности <...> все было многократно сложнее, драматичнее.

[3] Москва, 16-го ноября // Коннозаводство и спорт. 1917. № 2296. С. 548.

Спортивная жизнь в России, по меньшей мере в 1917–1918 годах, продолжалась по законам и устоявшимся традициям, сложившимся в предреволюционную эпоху» [там же].

Советский спорт

Существуют две крайние точки зрения на то, что стало с российским спортом после революции. Первая, рожденная в советское время, сводила все к тому, что в спорте, как и в жизни, произошел переворот, и с организацией в 1917 г. Всевобуча прежних спортсменов на спортивных площадках сменили пролетарии-физкультурники. Противоположную точку зрения можно встретить уже у современных исследователей истории спорта. В частности, С.С. Толстой, автор исследования «Власть и массовый спорт в СССР», полагал: «Революция ударила больнее, чем мировая война. Прежде всего потому, что она перестала считаться с личностью, а ведь на личности основан всякий спорт. Спорту, кроме того, угрожала общая судьба всей России — задохнуться в тисках политической борьбы, политических споров и недоразумений. Но здесь спорт вышел победителем <...> политическая борьба периода революции и Гражданской войны в России прошла мимо спорта, почти его не коснувшись. Лишь в 1920-е гг. новая власть обратила внимание на спорт и физкультуру, поняв всю важность последних в процессе собственного влияния на общество» [Толстой, 1998, с. 16–17].

Истина же, скорее всего, обнаруживается где-то посередине. Советское правительство постепенно выстраивало свою систему управления обществом, в том числе и в сфере физического развития, и в ней уже не находилось места прежним принципам и нормам взаимоотношений. Но ключевое слово здесь — «постепенно», то есть — далеко не сразу. Содержание спортивных изданий свидетельствует, что спортивная жизнь России, даже в условиях мировой войны продолжавшая оставаться разнообразной и насыщенной, не замерла и после октября 1917 г. Наоборот, исследователи отмечают, что в чем-то она была даже оживленней: «С началом Первой мировой войны произошел перелом в истории страны, и на спортивный досуг у людей уже не хватало времени. Клубная жизнь затихла. <...> В советское время, в 1918–1920 годах, некоторые спортивные организации возобновили свою деятельность, проводили соревнования и даже развлекательные вечера» [Баталов, Вайнтрауб, 2012, с. 203].

Но было очевидно, что сама сущность спорта в той его неизбежно тяготеющей к зрелищности форме, которая развивалась в России до революции, противоречила важнейшим постулатам социалистической идеологии, в частности — идее социально-эко-

номического равенства. Поэтому негативное отношение новой власти к спорту, который рассматривался и оценивался в ряду прочих «тяжких наследий старого общества», было закономерно. Р. Эдельман заключает: «Большинство большевиков и их культурных попутчиков питали глубокие сомнения в отношении спорта. Многие считали, что дореволюционный спорт был слишком тесно связан с царским милитаризмом и правыми политическими силами. Некоторые большевики, в частности Ленин, признавали преимущества физических упражнений и здорового образа жизни, однако подлинных фанатиков спорта среди тех, кто осуществлял Октябрьскую революцию, было немного» [Эдельман, 2008, с. 24].

Современный российский исследователь Б. Дубин описывает, как сложно и противоречиво протекали первые годы послереволюционного спорта: «Идеология спорта развивается параллельно в нескольких контекстах — милитаризации общества; выработки определенной культуры современного промышленного труда; массового внедрения повседневных навыков гигиены. При этом за различными направлениями пропагандистской работы стоят заинтересованные группы советских руководителей разных уровней, между которыми на тех или иных этапах жизни страны идет конкуренция и борьба» [Дубин, 2004, с. 74].

Один из главных идеологов советского физкультурного движения в 1920-е гг. Б. Кальпус писал, каким должен быть спорт при диктатуре пролетариата: «Когда спортивное движение предоставлено самому себе, или им руководят люди со старой, отжившей и чуждой пролетарскому строительству идеологией, спорт приобретает уродливые внешние формы и внутреннее содержание. Вот эта самая “уродливость” спорта в связи с его буржуазным “происхождением” заставляет с опаской относиться к его пригодности для служения интересам и задачам пролетарской культуры. Несомненно, что спорт в том виде, в котором мы получили его от буржуазии, требует очищения и освобождения от приставших к нему налетов буржуазного происхождения: самоцели, индивидуализма, рекордомании, чемпионства, профессионализма и т.д.»[4].

Стремление к победе, к высшим достижениям, рекордам, имманентно присущее спорту, было чуждо внедряемой в умы населения идеологии коллективизма, рассматривалось как проявление эгоизма, желание выделиться. Однако была очевидна и польза от двигательной активности и выполняемых физических упражнений. Так что если спорт в Советской республике допускался, то только как средство и метод физической культуры. Об этом буквально кричали лозунги тех лет: «Нам нужна физическая культура,

[4] *Кальпус Б.* Спорт и физическая культура // Красный спорт. 1924. № 1. С. 10.

всестороннее физическое мышление, а не узкий спорт!», «Физическая культура как средство оздоровления, а не цель побития рекордов!» и т.д. Неприятие спорта было до того сильным, что сами слова «спортсмен», «тренер», «чемпион» исключались из обращения и объявлялись конкурсы на новые термины, созданные на идеологии революционного времени.

У новой власти были свои приоритеты: на кону стояло выживание первого в мире социалистического государства, насущным требованием стала физическая подготовка бойцов для Красной армии, а спорт, как таковой, был не нужен, как и культивировавшие его старые общества. Исследователь И.Г. Чудинов подсчитал: «Советская власть получила около 800 организаций, охватывающих, главным образом, мелкобуржуазные слои населения. Общая численность членов этих объединений достигала 40–50 тысяч человек. <...> Получив такое наследство, советская власть, создав в 1917 г. специальный орган (Всевобуч), ведающий физическим воспитанием и военным обучением трудящихся, объединила под его руководством разрозненные гимнастические и спортивные организации. Работа гимнастических и спортивных организаций была направлена по линии всеобщей подготовки молодежи к защите страны» [Чудинов, 1941, с. 152].

В системе Всевобуча создавались курсы, школы, секции, площадки, где с помощью реквизированного у дореволюционных спортклубов инвентаря бывшие спортсмены, мобилизованные в качестве инструкторов, обучали допризывников. Попутно Всевобуч занимался пропагандой физкультуры, устраивая выступления, выпуская плакаты, брошюры, книги. Роль Всевобуча в «спортизации» масс оценивалась тогда примерно так: «В распространении идей спорта из столичных и полустоличных городов в провинции, уезды, вплоть до волостей, <...> в приближении его к массам — главная заслуга органов Всевобуча. Всевобуч распахал и засеял большое поле, и если под плуг попали частью тепличные растения — буржуазно-мещанские, полуспортивные общества, — что же делать — “Лес рубят — щепки летят”»[5].

Нужно учитывать, что советская действительность с 1918 по 1921 г. — это царство вопиющей неразберихи во многих сферах, в том числе спортивной. Государство в его новой форме уже присутствовало и вмешивалось порой, и это вмешательство могло быть гибельно для «тепличных растений». Однако ни о каком тотальном контроле речи еще не шло, и те, кого миновал этот безжа-

[5] *Стариков В.* Всевобуч и спорт (текущий момент) // Физическая культура. 1922. № 1. С. 2–3.

лостный плуг, оказывались предоставленными сами себе, без поддержки, но и без диктата сверху. Уцелевшие спортивные общества приспосабливались соседствовать с новыми советскими организациями, пусть и уступив им часть своих площадок и имущества. Всевобуч принял на себя решение наиболее насущных задач подготовки новобранцев и для этого использовал ресурсы старых спортивных обществ, но не исключал вовсе их существования. Однако с началом НЭПа появилась, наконец, возможность полностью реформировать систему спорта.

В традициях громогласной советской риторики сфера физической культуры была объявлена очередным фронтом, на котором должна быть одержана победа над старым строем: «Тов. Луначарский <...> в одном из своих докладов назвал фронт культуры третьим фронтом <...> Третий фронт — фронт просвещения, фронт культуры ярко выявился с 1923 года <...> Фронт физической культуры является участком третьего фронта; успехи на этом фронте стали возможны только после побед на военных фронтах, после достижений на хозяйственном фронте»[6].

В 1923 г. был создан Высший совет физической культуры (ВСФК) при ВЦИК во главе с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко, следом были созданы Московский совет физкультуры при исполкоме Моссовета и аналогичные местные органы в других республиках. Для дореволюционных спортивных обществ это означало конец их существования, ведь, в отличие от Всевобуча, ВСФК с его местными органами и отделами приходил именно на их место. Претворение в жизнь идей советской физкультуры требовало специальных мест и помещений, инвентаря и руководителей. Ничего этого у большевистской власти не было, зато еще оставалось у старых спортивных клубов. В их тренировочной и соревновательной деятельности по-прежнему культивировался спорт как самоцель, господствовали идеи аполитичности, согласно которым спортсмены должны быть внеклассовой корпорацией, чуждой политической борьбе. Но в рабоче-крестьянском государстве не могло быть внеклассовых объединений, тем более — предназначенных для молодежи. Спортивные общества, и так уже объявленные классово-враждебными и существовавшие в изоляции, неизбежно должны были быть распущены окончательно, что и произошло в 1923 г. Старые спортивные лиги и общества, созданные в первые годы после революции, были ликвидированы, и на этом формально прервалась связь прежнего российского спорта и зарождающегося советского спорта. Строилась принципиально иная система отно-

[6] *Собецкий М.* На фронте физической культуры // Спартак. 1924. № 1. С. 3.

шений, построенная на классовой идеологии, бюрократической централизации, строгом подчинении социально-политическим целям.

Новая спортивная пресса

Процессы, которые происходили в спорте, естественным образом повторялись в спортивной прессе. Продолжая понравившуюся метафору с фронтами, обозреватель ленинградского журнала «Спартак» М. Собецкий нагнетал драматизм: «Фронт физической культуры имеет немаловажный участок печати, на котором орудиями являются сотни пудов печатной бумаги, превращенной в брошюры, книги, журналы и газеты, заполненные разнообразным материалом по вопросам спорта и физической культуры. На участке печати проливается немало крови — правда, черной, типографской»[7].

Возникновение физкультурно-спортивной журналистики было связано с общим процессом становления партийно-советской печати, с созданием большевиками разветвленной системы изданий. Новой власти было чрезвычайно важно путем массовой агитации и пропаганды внушить населению веру в правильность своего курса, объяснить преимущества нового строя, добиться доверия и выполнения своих распоряжений. Она стремилась максимально расширить свое влияние в обществе, сделать так, чтобы не осталось ни одной категории читателей, которая не имела бы своей периодики. Партия была заинтересована в создании широчайшей сети самых различных по тематике изданий, в ряду которых получили место и физкультурно-спортивные издания. Их организация воспринималась как часть большого общепартийного дела, связанного с формированием новой идеологии и воспитанием нового человека. Однако далеко не сразу у новой власти дошли руки до спортивной прессы. Были типы изданий, организация которых представлялась более насущной задачей. К тому же не способствовали постановке физкультурно-спортивной печати гражданская война, голод и полная неразбериха с управленческими функциями, полномочиями и ответственностью постоянно сменявшихся больших и малых правителей и правительств во многих регионах страны. В итоге 1918–1921 гг. оказались периодом безвременья и даже безвластия для спортивной журналистики. Эти несколько лет даже сложно назвать переходным этапом от одной модели к другой, скорее просто имела место полная неясность перспектив, дальнейших задач и направлений развития.

В этот период часть спортивной периодики выпускалась еще по традициям дореволюционной прессы, ни по каким признакам не

[7] *Собецкий М.* О печати по физической культуре // Спартак. 1924. № 2. С. 42.

являлась советской, проповедовала спорт нейтральный, независимый от политики. В эту категорию мы отнесем московский журнал «Спорт», петроградские издания «Борец-атлет» и «Спорт и фавориты на сегодня», затем называвшийся просто «Спорт» и просуществовавший с перерывом до 1924 г. К дореволюционной эпохе принадлежал выходивший в 1918 г. в Омске журнал «Коннозаводство Сибири» редактора-издателя Г.И. Григорьева. В Омске при Временном Всесибирском правительстве собралось немало прежних коннозаводчиков, владельцев конюшен, тренеров, жокеев, военных кавалеристов, и журнал был предназначен для них так же, как и его предшественники, коннозаводско-спортивные издания дореволюционной России. В первом номере сообщалось: «В настоящий момент Омск является центром всего коннозаводства не только Западной Сибири, но и всей России. На учете в Комиссариате Государственного Коннозаводства Западной Сибири находится около 1000 лошадей, оставленных для испытаний и подготовки <...> Специалист найдет в нашем журнале все то, что затрагивает его как такового. <...> Военный — все, что касается армии и лошади <...> Коннозаводчики и коневоды <...> встретят у нас описания конских заводов, съездов коннозаводчиков <...> Владельцы беговых и скаковых конюшен, наездники, тренеры и жокеи найдут интересующий их материал. <...> Журнал отведет много места иностранной жизни, поставит хорошо и полно корреспонденции с мест»[8].

Даже для «Русского спорта», который в 1918–1919 гг. стал активно освещать деятельность Всевобуча и других советских спортивных организаций, это было в значительной мере лишь попыткой мимикрии к изменившимся внешним условиям. Да, журнал декларировал, что он принимает военно-спортивный характер и открывает свои страницы идеям всеобщего военного обучения на основах спортивных упражнений. Да, программа его действительно обновилась: начали печататься материалы о формах и методах физической подготовки допризывников, появился отдел «По отделам Всевобуча» (между прочим, позволивший увеличить объем журнала даже в условиях бумажного голода). Но о какой-то кардинальной трансформации концепции, структуры издания или, допустим, редакционного состава не было и речи — «Русский спорт» по-прежнему оставался представителем типа дореволюционного универсально-спортивного журнала.

В условиях политической жизни 1918–1921 гг., когда советская власть еще не приняла устойчивые формы и не создала четких об-

[8] Список повременных изданий за 1918 год. Сост. Л.К. Ильинский. Пг., 1922. С. 127.

разцов мышления и поведения в разных сферах, и тем более при относительной свободе выражения мнений, характерной для начала периода НЭПа, еще были возможны дискуссии, существование альтернативных идей, видимость вариативности развития. Революция открыла простор для дебатов о культуре во всех ее проявлениях: высокой и низкой, популярной и элитарной и т.д. В контексте общекультурных споров возникал вопрос о спорте, о физической культуре, о том, какие роли они будут играть в новом обществе и как распределят их между собой.

В рамках статьи не имеет смысла подробно останавливаться на взглядах различных групп — таких как «гигиенисты», вообще отвергавшие соревнования в любом виде и предпочитавшие им массовую физическую культуру пролетариата; или представители Пролеткульта, известные крайним новаторством, полностью отрицавшие все, что было достигнуто до революции, и предлагавшие свести физическую культуру к театрализованной гимнастике, основанной на движениях трудовых и военных процессов. Важнее отметить, что наряду с новыми, более или менее радикальными течениями и деятелями были и такие, кто не собирался отказываться от опыта дореволюционного спорта, считал более разумным строить на прежнем фундаменте. Поэтому, когда редактор «Русского спорта» К.Л. Ковзан писала в своем журнале, что именно после революции для развития спорта в России открылись такие широкие горизонты, о которых прежде нельзя было и мечтать, — это свидетельствовало о ее убежденности в том, что теперь возможно улучшить то, что уже было начато ранее. Поэтому она приняла активнейшее участие в 1919 г. в первом Всероссийском Съезде по физической культуре, спорту и допризывной подготовке — и выступала с докладом, и отдала значительный объем журнала под почти стенографический отчет о съезде, и вообще поставила журнал на службу Всевобуча. Поэтому и после закрытия «Русского спорта» она не оставила своей деятельности в организации советской физкультуры, участвовала в создании журнала «Всевобуч и спорт», была автором ряда методических пособий по физическому воспитанию.

Только в 1925 г. ЦК РКП(б) положил конец всем обсуждениям, приняв «историческое» постановление «О задачах партии в области физической культуры», которое определило программу деятельности советских физкультурных организаций на много лет вперед. Как отмечал Р. Эдельман, «В сфере спорта и физической культуры все дебаты завершились с принятием соответствующего постановления ЦК РКП(б). Отвергнув утопические и экспериментальные тенденции, партийное руководство приняло решение в пользу того подхода, который делал ставку на высокие достижения

и состязательность в спорте и который способствовал внушению нужных ценностей и уважения к власти» [Эдельман, 2008, с. 67].

Стало очевидно, что никакой вариативности физкультурно-спортивного движения в Советской России быть не может, и общее направление, равно как и отдельные частности этого движения, не определяются в ходе полемического обсуждения на страницах периодики, а регламентируются вышестоящими организациями и затем транслируются через печать в виде готовых формул и лозунгов. В дальнейшем стратегия развития физической культуры и спорта (следовательно, и профильной журналистики) намечалась партийными съездами или постановлениями ЦК. Они ставили перед прессой большие и ответственные задачи, и наличие четкой государственной политики предопределяло характерные черты и принципы физкультурно-спортивной журналистики, для которой партийные постановления стали программными установками.

Еще в период Гражданской войны делались попытки как в центре, так и на местах создать спортивную печать нового советского образца («Спорт на службе милиционной армии» в Петрограде, «Красный спортсмен» во Владикавказе, «Допризывник» в Ташкенте и т.д.), но они прекращались, как правило, после нескольких номеров. Эти издания только с большими оговорками можно называть спортивными, они были даже не вполне физкультурными, а имели в первую очередь прикладное военное значение — физическое воспитание рассматривалось ими как средство подготовки военных кадров. Неудивительно, что в 1922 г. именно в недрах Всевобуча созрел план организации периодического центрального органа, и этот год следует считать временем настоящего рождения советской физкультурно-спортивной печати. В мае 1922 г. вышел в свет первый номер «Физической культуры» — «Двухнедельного научно-популярного журнала Главного управления Всевобуча», за которым последовали остальные — «Известия спорта», «Красный спорт», «Известия физической культуры».

Создатели первых изданий советской спортивной печати стремились сделать их непохожими на зарубежные или прежние русские журналы о спорте, поскольку считалось, что зарубежная пресса чужда по идеологическим соображениям, а ориентироваться на дореволюционные образцы, «насквозь пропитанные убогими мелкомещанскими традициями некультурного пошиба»[9], казалось нецелесообразным. Но в значительной мере это были лишь декларации. Где-то невольно, а часто — вполне сознательно, с определенным расчетом, опыт дореволюционной спортивной журналистики

[9] *Прошин А.* Сорок лет спортивной прессы СССР // Физкультура и спорт. 1962. № 5. С. 2–3.

использовался — и довольно активно. Это касалось структуры отделов, размещения материалов, принципов оформления, подачи текста и иллюстраций. Однако и в самом характере изданий можно обнаружить нечто общее, скажем, с флагманом дореволюционной спортивной журналистики «Русским спортом» — не случайно начальник Всевобуча Н. Подвойский называл «Известия спорта» «чуть ли не белогвардейским» журналом.

Но ответственный редактор «Известий спорта» М. Шимкевич прояснил свою позицию: «Весь вопрос в том, чтобы втянуть в нашу работу, подчинить нашей воле постепенно и незаметно для нее самой бесформенную, аполитичную или даже враждебную нам обширную группировку спортсменов и молодежь, около нее группировавшуюся. Эту необходимость <...> яростно отвергали те, кто полагал создать октябрь в спорте одним ударом. По нашему мнению, этот удар не дал бы нам победы, так как если и возможно было захватить все позиции размахом пера, то удержать их за собой было задачей иного порядка»[10].

Шимкевич хотел, начав с журнала, сознательно построенного по образцу успешных дореволюционных проектов, постепенно меняя его содержание в сторону большей классовой и политической выдержанности, «перевоспитать» аполитичных спортсменов, привлечь их на свою сторону. С другой стороны, среди авторов «Известий спорта» имелось немало тех самых «старых» спортсменов — эрудированных, компетентных, авторитетных, но не разделявших взгляды большевиков на роль спорта и физической культуры, по возможности продолжавших работать по уже сложившимся представлениям. В результате получились довольно любопытные в своей эклектичности журналы, где идеологически выдержанная передовая статья соседствовала с прекрасным разбором техники «финского хода» на лыжах, а руководство по игре в баскетбол, рассчитанное на начинающих, — с подробной хроникой зарубежного спорта.

Уже процитированный ранее М. Собецкий, обозревая в 1924 г. развитие печати по спорту и физической культуре, обратил внимание на весьма показательное явление: «Первое, что бросается в глаза <...> — это довольно резкое подразделение книг, журналов, брошюр и газетных заметок по основному содержанию: одна группа имеет своим предметом спорт и спортивную деятельность в узком смысле этого, определившегося в буржуазный период, понятия, с тенденцией сохранять старые спортивные традиции, старые названия, старые формы и содержание. Революционирование, пролетаризация, орабочение этой, в общем, весьма консервативной

[10] *Шимкевич М.* Два года работы // Красный спорт. 1924. № 9–10. С. 5.

печати идет весьма медленными темпами, что объясняется определенным консерватизмом и большой опытностью в области старого буржуазного спорта обслуживающих эту печать: старых лидеров, идеологов буржуазного спорта — сторонников аполитичности спорта, спортивной этики, чистого любительства и т.п. Конкретными примерами такой печати являлись: проволочивший свое существование до начала 1924 г. петроградский еженедельный журнал "Спорт"; умерший в Москве журнал "Русский спорт"; недавно кончивший свое существование московский двухнедельный журнал "Известия спорта", сумевший передать часть своих традиций еще живущему московскому спортивному журналу "Красный спорт". Эти органы печати обслуживались преимущественно авторитетными спортивными деятелями и учеными дореволюционной эпохи, в общем отрицательно относящимися к революции в деле спорта и не признающими физической культуры пролетариата. В группе обслуживающих "спортивную печать" много от кладбища: "старички", полумертвые, уже умершие, умирающие и вымирающие»[11].

М. Собецкий сделал точное наблюдение. Он причислил к кладбищу вымирающих старичков не только сохранившиеся с дореволюционного периода издания К. Ковзан и М. Брейтмана, откровенно издававшиеся по прежним лекалам, но и два издания — «Известия спорта» и «Красный спорт», — созданные Всевобучем и бывшие его официальными органами — слишком явно проступали в них типологические черты дореволюционной спортивной прессы. Это даже забавно: в передовой статье «Красного спорта» начальник Главного управления Всевобуча К.А. Мехоношин писал: «Овладевая буржуазным спортом и давая ему новое содержание, пролетариат превращает его в красный спорт»[12], но сам журнал с таким названием не мог спрятать свое «буржуазное» происхождение.

Группе «консервативной» периодической печати о спорте М. Собецкий противопоставлял истинно пролетарские физкультурно-спортивные журналы: «Другой ряд произведений печати по спорту и физической культуре имеет своим предметом пролетаризованный, орабоченный спорт и физическую культуру трудящихся, в широком смысле слова. <...> К периодической печати этого рода, обслуживаемой сравнительно молодыми работниками орабочиваемого, опролетаризованного спорта и физической культуры трудящихся в СССР относятся: московский двухнедельный журнал "Известия физической культуры", солидный и выдержанный как по содержанию материала, так и технически, ежемесячный харьковский журнал "Вестник физической культуры" <...> и мо-

[11] *Собецкий М.* О печати по физической культуре // Спартак. 1924. № 2. С. 42.
[12] *Мехоношин К.* Красный спорт // Красный спорт. 1924. № 1. С. 6.

лодой ленинградский двухнедельный журнал “Спартак”, первый популярный массовый журнал по спорту и физической культуре пролетариата. Для этих журналов характерны их связанность с работой Высшего и местных Советов физической культуры и их идеологическая в коммунистическом направлении выдержанность. <...>

Ясно, что расцвет, сила и будущее находятся у этих, рожденных революционным периодом, органов печати. <...> Первой же группе “спортивной” печати ничего, кроме увядания и смерти, предсказать нельзя (очевидно, такая судьба ожидает и последнего могикана “спортивной” печати “Красного спорта”, если последний, действительно, не станет красным спортом)»[13].

Редактор «Красного спорта» М. Шимкевич объяснял, что мешает ему стать настоящим органом пролетарского спорта: «Проводить классовую политику и оставаться живым спортивным журналом — задача нелегкая, пока у нас нет организованного кадра своих рабочих и военных сотрудников — авторов и корреспондентов. <...> Мы нисколько не закрываем себе глаза на то, что и наши отечественные “истые спортсмены” хотели бы видеть “Красный спорт” вне классовой политики, <...> знаем отлично, что пока мы пользуемся трудом старых спортсменов и тех молодых, которые по своему положению мелкобуржуазны, одним редактированием, будь вполне налажен редакционный аппарат, не достичь желательного нами»[14].

Как мы видим, ответственные лица, назначенные советской властью на фронт физической культуры, и хотели бы сразу изменить облик физкультурно-спортивной журналистики, чтобы ничего в нем не осталось от дореволюционного прошлого, но по объективным причинам не могли этого добиться. Не хватало ни навыков такой деятельности, ни квалифицированных сотрудников, ни, по-видимому, четкого представления о том, как сделать первые издания советской спортивной печати непохожими на прежние русские журналы о спорте. Страстно не хотелось ориентироваться на дореволюционные образцы, но как избежать этого, как обойтись без «истых» спортсменов, приписанных к кладбищу, — они не знали.

Заключение

В дальнейшем физкультурно-спортивные издания СССР действительно все больше, пользуясь терминологией тех лет, «опролетаризовывались» и «орабочивались», старательно изживая признаки

[13] *Собецкий М.* О печати по физической культуре // Спартак. 1924. № 2. С. 42.

[14] *Шимкевич М.* «Истые спортсмены» и наша классовая политика // Красный спорт. 1924. № 6. С. 4.

дореволюционной спортивной журналистики. Но процессы эти затянулись до начала 1930-х гг., а их отголоски еще долго встречались потом в советской физкультурно-спортивной прессе. Пусть в искаженном, тщательно заретушированном виде, но они сохранялись, ведь создавался и советский спорт, и его печать не на пустом месте, а на прочном фундаменте мыслей, наработок, моделей, проверенных методов — на основании, которое осталось от прежней системы спортивной журналистики. И наследственные черты той «буржуазной» журналистики, которую так хотелось вычеркнуть из памяти, то и дело проступали сквозь безупречно пролетарскую внешность физкультурно-спортивных журналов. Молодая советская физкультурно-спортивная печать невольно оказалась наследницей традиций дореволюционной спортивной журналистики, отрекаясь и отмежевываясь от них, но не имея ни сил, ни возможности избыть в себе этот импульс преемственности.

Список литературы

Баталов А.Л., Вайнтрауб Л.Р. Спорт в Москве в XIX — начале XX века. Речной яхт-клуб и его роль в развитии московского спорта: от гребли до горных лыж. М., 2012.

Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М., 2005.

Дубин Б. Спорт в современных обществах: пример России // Вестник общественного мнения. 2004. № 2. С. 74.

Орлов С.И. Зарождение и становление советской спортивной журналистики (к вопросу о типологии изданий): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Слюсаренко Е.А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. М., 2004.

Толстой С.С. Власть и массовый спорт в СССР (на примере истории советского футбола в 1930–1950-е годы): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Чудинов И.Г. Гимнастика и спорт в помещичье-капиталистической России // Теория и практика физической культуры. 1941. № 4. С. 42–52.

Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / Пер. с англ. И.С. Давидян. М., 2008.

Поступила в редакцию
24.09.2014